

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ

**А. ИВАНОВ, А. СЕРГЕЕВ, В. БАЙБАК, С. СОЛОМИН,
С. САРБАШ, А. ЛАТЫЕВ, П. ВАРУЛ, А. ПАВЛОВ, В. БЕЛОВ**

Федеральным законом от 07.05.2013 N 100-ФЗ законодатель предусмотрел для ряда случаев возможность пресекающего объективного ограничения течения исковой давности вне зависимости от того, узнало ли лицо о нарушении (поправки в п. 2 ст. 200 ГК РФ).

Это положение уже стало объектом критики со стороны КС РФ, который высказался против придания ему обратной силы и заявил о необходимости переходного периода для адаптации к изменившимся нормативным условиям защиты нарушенного права.

Мы попросили экспертов оценить, насколько оправданным, с их точки зрения, выглядит включение в ГК объективной исковой давности.

Антон Иванов, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ, Председатель ВАС РФ в отставке, кандидат юридических наук, профессор.

- Всегда считал неудачным момент начала течения исковой давности в российском гражданском праве. Объективно текущий срок начинается с субъективного момента - когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права. Понимаю, откуда взялось такое решение: из советского права, стремившегося сократить сроки исковой давности для ускорения хозяйственных операций в государственном секторе и для облегчения изъятия имущества у частных лиц, особенно в условиях, когда к истребованию государственного имущества срок исковой давности не применялся. Таким образом, субъективный момент начала течения был связан с очень коротким сроком исковой давности.

Было бы правильнее установить гораздо более длительный срок исковой давности (например, 10 лет), привязав начало его течения к объективному моменту - моменту нарушения права. Нынешнее решение выглядит паллиативным и противоречивым, поскольку не приводит к сокращению числа споров об исковой давности. Вопрос о том, в какой момент лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, всегда зависит от фактических обстоятельств и в этом смысле имеет природу оценочного. Это гипертрофирует роль исковой давности в гражданском праве, побуждая применять ее слишком часто, намного чаще, чем она того заслуживает. Практика пытается придумывать все новые и новые причины, по которым срок не считается истекшим.

Десятилетний срок исковой давности, который начинает течь с момента нарушения права, я бы назвал погасительным. Сам по себе он ничего неконституционного не содержит. При этом я согласен с Конституционным Судом РФ в части обратной силы этого срока, но только применительно к одному случаю - в отношении обязательств, исполнение которых определено

моментом востребования. Частные лица рассчитывали на то, что они могут потребовать исполнения обязательств в любой момент, а им сказали, что прошло уже 10 лет с момента нарушения и срок исковой давности истек. При любых обстоятельствах этот десятилетний срок должен начинать течь не с обратной силой, а лишь с момента введения соответствующих поправок в ГК. Думаю, что можно было бы пойти еще дальше и вообще привязать начало течения срока исковой давности по обязательствам без указания срока к моменту востребования. Это соответствовало бы принципу свободы договора.

В то же время я не вижу оснований для расширения сферы применения позиции Конституционного Суда РФ. Ведь в других случаях срок исковой давности считался бы истекшим не по прошествии 10 лет с момента нарушения права, а в течение 3 лет с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении. Если лицо знало о нарушении, но рассчитывало на то, что сможет доказать обратное, его расчет на возможность предъявить требование в любое время, а не в течение 10 лет с момента нарушения, вряд ли может считаться добросовестным. Таким образом, трудно будет обосновать неконституционность.

В перспективе я бы перешел к единому правилу о начале течения срока исковой давности - объективному моменту нарушения права. И сделал бы этот срок равным 10 годам.

Александр Сергеев, заведующий кафедрой гражданского права и процесса НИУ ВШЭ (СПб.), советник юридической фирмы "ДЛА Пайпер Рус Лимитед" (СПб.), доктор юридических наук, профессор.

- Появление в российском законодательстве так называемой объективной исковой давности считаю глубокой ошибкой. На мой взгляд, данная норма противоречит ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ сама по себе, вне ее взаимосвязи с правилом п. 9 ст. 3 Закона N 100-ФЗ о применении ее к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 г. Введением правила о том, что исковая давность по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, не может превышать 10 лет со дня возникновения обязательства, законодатель лишил права на судебную защиту всех тех участников гражданского оборота, которые состоят друг с другом в длительных (более 10 лет) обязательственных правоотношениях. Если по истечении 10 лет какая-либо из сторон нарушит свои договорные обязанности, потерпевшая сторона не сможет защитить в судебном порядке свои права.

Кроме того, привязка начала исчисления предельного десятилетнего срока исковой давности ко дню возникновения обязательства противоречит сущности исковой давности как сроку, установленному законом для защиты нарушенного права в судебном порядке (ст. 195 ГК РФ), равно как и правилу о том, что "срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен" (п. 2 ст. 196 ГК

РФ). Между тем в момент возникновения обязательства субъективные права не нарушаются, а лишь появляются у его участников. Налицо, на мой взгляд, прямое противоречие норм, закрепленных ст. 195 и п. 2 ст. 196 ГК РФ, с одной стороны, и абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК РФ - с другой. Это нарушает принцип правовой определенности.

Всеволод Байбак, партнер адвокатского бюро "Юсланд", доцент кафедры гражданского права и процесса НИУ ВШЭ (СПб.), кандидат юридических наук.

- Введение объективной давности в целом оправданно, однако новые положения не должны иметь обратной силы.

Одной из функций исковой давности является внесение правовой определенности в отношения сторон, эффективная защита от судебных рисков, которые подчас бывает сложно правильно оценить. В нашем праве исковая давность традиционно исчислялась с того момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении его права. Наименьшие сложности в определении этого момента возникали в обязательственных отношениях: если срок исполнения наступил, а надлежащего исполнения не получено, значит, право нарушено. Однако обязательства с исполнением по востребованию кредитора - особый случай. Пока кредитор не затребует исполнение, невозможно говорить ни о какой просрочке должника, а следовательно, и давность не может начаться. Это справедливо, но чревато серьезными сложностями в случае спора. Представим себе договор займа до востребования. Кредитор ждет в течение 45 лет и, наконец, предъявляет требование о возврате займа. Установить важнейшие обстоятельства дела (был ли заключен договор в надлежащей форме, получены ли деньги и т.п.) будет крайне проблематично. Ограничение исковой защиты по обязательствам до востребования объективным сроком давности 10 лет позволяет внести правовую определенность в отношения сторон. Другое дело, что это правило существенно ограничивает конституционное право на судебную защиту. Как неоднократно разъяснял КС РФ, общим принципом российского права является принцип недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение субъектов права. Этот принцип должен соблюдаться и в данном случае.

Сергей Соломин, заведующий кафедрой гражданского права Томского государственного университета (НИ ТГУ), доктор юридических наук.

- Указанное нововведение считаю неоправданным.

Во-первых, момент начала течения срока исковой давности не может определяться моментом возникновения бессрочного обязательства, даже в качестве функционального исключения из общего правила, о котором говорилось еще в проекте Концепции совершенствования Общих положений Гражданского кодекса РФ. Признание данного специального подхода к определению сущности исковой давности достоверным ставит под сомнение

достоверность той системы сроков в гражданском праве, которая многие годы рассматривалась как аксиоматичная. Ведь что значит признать началом течения срока исковой давности момент возникновения обязательства? Это значит, что в одной временной точке совпадают и момент возникновения субъективного права лица на его реализацию (требовать исполнения обязательства), и момент возникновения права на защиту в связи с его нарушением. Выходит, что любое обязательство, срок исполнения которого не определен или определен моментом востребования, рассматривается законом как "дефективное" обязательство, исполнение которого направлено на устранение недостатков, связанных с его неисполнением или ненадлежащим исполнением. Иначе говоря, законодатель исключает возможность исполнить бессрочное обязательство надлежащим образом, а сам должник с момента возникновения такого обязательства является заведомо недобросовестным.

Во-вторых, недопустимо возлагать на кредитора риск неисполнения бессрочного обязательства в момент его возникновения. Субъекты гражданского оборота по отношению друг к другу равны; они свободны в своем волеизъявлении, и, если из договора возникает обязательство, являющееся по своему характеру бессрочным, очевидно, что стороны такого договора именно к этому и стремились. Для добросовестных контрагентов не бывает крайне задавленных требований, ибо возможны долгосрочные отношения субъектов гражданского оборота. Чем в таком случае договор, заключенный на 50 лет, отличается от договора, заключенного без указания срока его действия, по которому стороны осознают, что исполняться он будет через весьма продолжительное время, превосходящее десятилетний срок? По замыслу законодателя выходит, что требования, возникающие из первого договора, - это нормальные требования, несмотря на то что право на их реализацию может быть отнесено на последний год пятидесятилетнего срока, а требования, которые возникли из второго договора и предъявление которых стороны отнесли на неопределенно-отдаленный момент времени, приобретают качество крайне задавленных, и в этом смысле закон занимает исключительно продолжниковую позицию. Выходит, что законодатель как бы рекомендует субъектам гражданского права не совершать сделки, которые будут порождать бессрочные обязательства. В таком случае было бы гораздо проще (хотя и неразумно), если бы закон вообще установил запрет на совершение подобных сделок.

Указанные недостатки, по моему мнению, являются достаточными для того, чтобы законодатель задумался о необходимости приведения правила об определении начала течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, в соответствие с концептуальными основами отечественной доктрины гражданского права. Однако, даже если это и не произойдет, я полагаю, что установка ст. 200 ГК РФ о том, что "срок исковой давности не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства", окажется недействительной. Ее достаточно легко обойти кредитору при защите своего

нарушенного права, пусть даже за пределами десятилетнего срока. Норма п. 2 ст. 314 ГК РФ гласит, что при непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении бессрочного обязательства должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не явствует из обычаев или существа обязательства. Стороны обязательства осознают, какой срок для исполнения их обязательства является разумным: он может быть как менее, так и более 10 лет. Следовательно, должник, не реализовавший свое право потребовать от кредитора принять надлежащее исполнение по истечении разумного срока, является заведомо недобросовестным субъектом. Сможет ли такой недобросовестный должник в суде сослаться на пропуск десятилетнего срока исковой давности с целью погасить свою обязанность исполнить бессрочное обязательство? Сможет. Однако суд обязан воспринимать данное защитное действие должника как одну из форм злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и, отказав должнику в применении исковой давности, рассмотреть дело по существу заявленных требований. При этом недобросовестность должника как злоупотребляющего субъекта может выражаться в следующем: либо должник с момента возникновения обязательства вообще не собирался исполнять его надлежащим образом (а значит, он изначально выступал как недобросовестный субъект), либо он специально пропустил разумный срок исполнения обязательства, не предъявив требование к кредитору о принятии исполнения (а значит, становится недобросовестным субъектом с того момента, когда не реализовал свое право на предъявление требования к кредитору о принятии надлежащего исполнения).

Сергей Сарбаш, начальник отдела общих проблем частного права исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, судья ВАС РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор.

- Введение в гражданское законодательство объективной исковой давности оправданно в силу следующих причин.

Начало течения субъективной исковой давности привязано к субъективному моменту, который может быть значительно отдален от момента нарушения права. Вследствие этого обстоятельства, а также по причине перерыва, приостановления, восстановления и возобновления давности правопорядок сталкивается с проблемой крайне за давненных споров, а значит, с теми негативными последствиями, которые не удастся преодолеть с использованием субъективной исковой давности. Для решения этих проблем и вводится объективная давность, или максимальный срок давности (**long-stop period**), который выступает в качестве баланса субъективной давности.

Установление объективного срока исковой давности может приводить к тому, что по каждому подлежащему задавниванию притязанию параллельно исчисляются две исковых давности: объективная и субъективная. По другой

модели можно рассматривать объективный срок исковой давности как единый, но ограниченный максимальный срок с иным начальным моментом исчисления. В большинстве случаев прибегать к нему, видимо, не придется, поскольку ранее истечет субъективная давность. В тех же случаях, когда по названным выше причинам субъективная давность дает сбой, открывая дорогу нежелательным застарелым спорам, ее перекроет и сработает объективная давность (максимальный срок).

Важно понимать, что объективный срок давности теоретически не должен подлежать перерыву, приостановлению, восстановлению, поскольку является максимальным сроком. Исключения из этого должны быть минимальными (например, в случае нахождения спора в суде к моменту истечения этого срока). Иначе введение максимального срока во многом потеряет свое значение.

Александр Латыев, партнер, руководитель практики группы правовых компаний ИНТЕЛЛЕКТ-С, кандидат юридических наук, доцент.

- Я приветствую введение в наше право института объективной давности: он обеспечивает стабильность гражданского оборота и защищает его от влияния факторов, слишком далеко отстоящих от настоящего времени.

У нас в стране сложилась ситуация, в которой обычная - субъективная - давность, начинающая свое течение с того момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении, зачастую не выполняет своей функции, поскольку участники гражданских отношений не особенно следят за соблюдением своих прав и лишь спустя много лет обнаруживают нарушение. Поскольку же наше гражданское право не устанавливает общей обязанности быть бдительным, срок давности начинает отсчитываться с того момента, как нарушение было обнаружено, несмотря на то что за прошедшие годы само оно уже могло стать основой для многих других гражданских прав. Как следствие, все эти права, причем зачастую абсолютно добросовестных лиц, оказываются под ударом. Введение объективной давности, с одной стороны, дисциплинирует управомоченное лицо, вынуждая его следить за соблюдением своего права, а с другой - конечно же, служит защите таких добросовестных лиц.

Гораздо более сомнительным является специальный случай объективной давности, установленный в абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК: срок, отсчитываемый при обязательствах с неопределенным сроком или обязательствах до востребования с момента возникновения, а не нарушения обязательства, и даже вне зависимости от того, было ли нарушение вообще.

Фактически, установив это правило, законодатель ограничил срок действия таких обязательств десятью годами, по истечении которых они переходят в разряд натуральных. Тем самым правоотношение, которое могло и вовсе оставаться исключительно регулятивным, подвергается сильному разрушающему воздействию со стороны норм охранительного характера.

Конечно, вероятно, что целью законодателя было по возможности

исключить неопределенные по времени своего существования обязанности, несоразмерно обременяющие должника. Ограничение возможностей для установления таких обязанностей может быть вполне достойной задачей, но, как представляется, она вполне успешно может быть решена и другими, более справедливыми и взвешенными средствами, например через наделение должника по такому обязательству правом потребовать от кредитора принятия исполнения (п. 2 ст. 314 ГК в редакции, действующей с 1 июня 2015 г.).

Что касается спора, рассмотренного КС РФ, то он, скорее, связан не с самим установлением десятилетнего срока защиты бессрочных обязательств, а с не выдерживающей критики практикой формулирования переходных положений при внесении изменений в ГК, особенно применительно к столь чувствительным к ним нормам, как нормы о давности. Наиболее правильным было бы указание на то, что для обязательств, возникших до внесения изменений в закон, срок объективной давности отсчитывается с момента вступления в силу нового регулирования. Однако ни законодатель, ни судебная практика при рассмотрении гражданских споров, ни КС этого не сделали.

Паул Варул, партнер адвокатского бюро VARUL, кандидат юридических наук.

- Нахожу, что п. 2 ст. 200 ГК РФ устанавливает правильное и обоснованное правило, согласно которому срок исковой давности начинается со времени, когда обязательство становится взыскиваемым. Такое правило вытекает также и из современных модельных законов, например ст. III-7:203(1) Модельных правил Европейского частного права (DCFR) и ст. 14:203(1) Принципов Европейского договорного права (PECL). Обе стороны по обязательству знают либо должны знать, каков срок исполнения обязательства, и вследствие этого они предварительно знают и о том, когда обязательство становится взыскиваемым и начинается срок течения исковой давности. Таким образом, в данном случае нет необходимости увязывать в законе начало течения исковой давности с тем, когда правомочная сторона узнала или должна была узнать о нарушении.

Андрей Павлов, доцент кафедры гражданского права СПбГУ, кандидат юридических наук.

- Первое. Само по себе введение в отечественный правовой порядок максимального периода исчисления срока давности представляется достаточно удачной и полезной идеей. Система, использующая лишь субъективный критерий исчисления давностного срока, по сути, санкционирует неопределенность, допуская эффективное предъявление иска спустя длительный (практически бесконечный) период времени. Установление же максимального периода, связанного с объективным критерием, позволяет обеспечить защиту интересов должника, нуждающегося в определенности своего правового положения, а также

публичных интересов, и оградить систему правосудия от старых тяжб. Подобный подход соответствует мировым тенденциям развития института давности. Правила о максимальном периоде давно и успешно используются на уровне как национальных право порядков (Германия, Нидерланды и др.), так и международных унификаций (Принципы УНИДРУА, PECL, DCFR, Проект CESL).

Второе. Установленный ГК десятилетний максимальный период исчисления давности не является пресекательным. Очевидна возможность эффективного предъявления иска за пределами этого периода в случаях перерыва давности, ее "нетечения" (на что прямо указывал Пленум ВС РФ в п. 8 Постановления от 29.09.2015 N 43), приостановления давности ввиду обращения сторон к альтернативным процедурам разрешения споров. Считаю, что истечение максимального периода не препятствует и возможности восстановления давностного срока судом (например, по искам бывших малолетних и недееспособных).

Третье. Решение, закрепленное в п. 2 ст. 200 ГК, на мой взгляд, только кажется неудачным. Некий диссонанс может вызывать то, что, если исполнение не было востребовано кредитором, давностный срок, под которым мы привыкли понимать срок для защиты нарушенного права, может истекать в отсутствие какого-либо нарушения. Однако оценка ситуации не может исчерпываться только терминологическим аспектом. Важнее другое. Неосуществление права требовать исполнения в течение длительного времени (а десять лет - немалый срок) демонстрирует явное и очевидное безразличие кредитора к своему праву. Подобное поведение способно породить в глазах должника видимость незаинтересованности кредитора, сформировать разумное ожидание, что последний отказался от его реализации. Правопорядок должен обеспечить защиту этих ожиданий должника и исключить противоречивое (а потому недобросовестное) поведение кредитора, направленное на последующее осуществление данного права. Роль такой защиты благодаря максимальному периоду играет возражение о давности. В связи с этим установленное в п. 2 ст. 200 ГК решение представляется вполне оправданным и в полной мере соответствует задачам, стоящим перед институтом давности.

Вадим Белов, профессор кафедры коммерческого права и основ право ведения МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

- Новые правила п. 2 ст. 196 и п. 2 ст. 200 ГК предусматривают, что предельная продолжительность исковой давности (при всех мыслимых особенностях, касающихся особого момента начала ее исчисления, а также всех ее возможных приостановлениях и перерывах) не может превышать десяти лет со дня нарушения (или даже возникновения) соответствующего права. По прошествии указанного срока исковая давность в любом случае считается истекшей. Ближайшим и непосредственным источником этого правила является, несомненно, институт, предусмотренный ст. 23 Конвенции ООН об исковой давности в международной продаже товаров (ЮНСИТРАЛ),

- "Общее ограничение исковой давности". Конвенция эта, как известно, была заключена в Нью-Йорке 14 июня 1974 г. и ныне действует в редакции от 11 апреля 1980 г., т.е. редакции от той же даты, которой помечена знаменитая Венская конвенция о договоре международной купли-продажи товаров. Именно оттуда этот институт распространился по ныне многочисленным актам международной частноправовой унификации - актам нового **lex mercatoria**; так, пресловутое десятилетнее ограничение можно найти, например, в п. 2 ст. 10.2 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, ст. 14:307 Принципов Ландо, ст. III.-7:307 **DCFR**, п. п. 4, 5 и 8 ст. 134 Кодекса Европейского договорного права.

Разумеется, подобная норма давно имеется и в национальных законодательствах ряда стран, в том числе в Швейцарском гражданском кодексе 1907 г., Гражданском кодексе Нидерландов 1994 г., Коммерческом кодексе Греции 1835 г., в Законе об исковой давности и пресекательных сроках Шотландии 1973 г.; аналогичное законодательство действует в Бельгии и Франции, Испании и Италии, Чехии, Словакии и Польше, в Эстонии, канадской провинции Квебек, в Южно-Африканской Республике, в Ирландии и др.; до недавнего времени похожая система существовала даже в Германском торговом уложении. Можно видеть, что в этот перечень входят как старые, так и новые законодательства, причем законодательства стран, разбросанных буквально по всему земному шару. Иными словами, ничего нового мы опять не придумали - перед нами (в очередной раз!) заимствование одного из подходов, хорошо известных во всем мире. Основательное ли? Думаю, что да, и вот почему.

Общеизвестно, что в основании идеи исковой давности лежит **соображение об определенности и прочности правового положения частных лиц**, причем не только и не столько обязанных лиц - должников (как у нас почему-то принято считать), сколько третьих, посторонних лиц. **Исковая давность, исчисляемая с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, и совсем не ограниченная в своей предельной продолжительности, не выполняет ни одной из возложенных на нее функций; она не оправдывается ни одним из оснований, которыми она должна была бы (по идее) подкрепляться.** В этом смысле удивительно не состоявшееся наконец введение в наш Кодекс нормы п. 2 ст. 196, а то, что произошло это только сейчас, а не намного раньше, к чему, кстати, весьма располагала советская эпоха, не особенно озабоченная проблематикой судебной защиты гражданских прав. Твердая, исчисляемая с раз и навсегда точно и для всех единообразно определенного момента (факта правонарушения или факта возникновения требования) предельная продолжительность исковой давности - вот тот **объективный противовес, который призван балансировать общее правило о субъективно-кредиторском взгляде на исковую давность.** Пока такого противовеса нет, никто, никогда и ни в чем (ни в одном субъективном гражданском праве) не может быть уверен.

Опасения, которые здесь могут быть высказаны, столь же очевидны,

сколь и возражения против них. Да, при наличии п. 2 ст. 196 ГК РФ **недобросовестному должнику достаточно проявить некоторую находчивость и упорство, а именно в течение всего лишь десяти лет со дня совершенного им правонарушения сколько-нибудь умело укрываться от кредиторских требований и исков.** Но, во-первых, десять лет - это не "всего лишь", обычно этого времени хватает для того, чтобы узнать о нарушении любого права и разобраться с любым нарушителем, а во-вторых, так ли уж часто подобные случаи встречаются в действительной жизни? В-третьих, даже если они и встречаются, то десять лет - срок, более чем достаточный не только для того, чтобы потерпевший кредитор восстановил свое имущественное положение новыми заработками и приобретениями (и в связи с этим искренне забыл о своей потере), но и для того, чтобы неосновательно обогатившийся должник безвозвратно растратил неосновательно полученное. Чем же будет право на иск, сохраненное в таких условиях, для потерпевшего кредитора - неужели благом? Скорее бременем. Чемоданом без ручки, бросить который, быть может, жалко, но и "переть" его так неудобно и тяжело, что уж лучше бросить, право слово.

Поясню примером из своей собственной жизни. В январе 2003 г. обокрали мою квартиру. Преступников, понятное дело, не нашли. Готовя данный комментарий, я представил себе ситуацию: завтра, т.е. по истечении вот уже более тринадцати лет, мне звонит следователь и говорит: "Вадим Анатольевич, вроде бы нашли тех негодяев, которые к Вам влезли, - подъезжайте в полицию, нужно кое-что уточнить!" Что бы я ощутил после такого известия? Да, с одной стороны, приятно, что наши правоохранительные органы пусть медленно, но работают; приятно и то, что возмездие, скорее всего, настигнет преступников. Но на этом, пожалуй, и все. Даже поездка в полицию (не говоря уже о выступлении в качестве гражданского истца в уголовном деле) теперь стала бы для меня ненужной тягостью хотя бы потому, что за прошедшие годы я уже порядком подзабыл о том, что именно было у меня украдено. И если сейчас не найду своих бумаг тринадцатилетней давности, так и не вспомню.

Другое фундаментальное возражение против объективной исковой давности - из серии "не стоит стричь всех под одну гребенку". Одно дело - украденные отдельные личные вещи (какими бы дорогими они ни были, объективно без них всегда можно обойтись), и совсем другое - вред, причиненный жизни или здоровью, действительно серьезная психологическая (душевная) травма, а может быть, и имущественный вред, причиненный каким-нибудь экстраординарным нарушением, например отъемом бизнеса, доведением до банкротства, террористическим актом, деянием, наносящим ущерб окружающей природной среде, или таким нарушением договора, которое по определению не могло быть выявлено ранее, чем, скажем, через тридцать лет со дня его совершения (какие-нибудь скрытые недостатки в капитальном строительстве). Конечно, на мой пример можно возразить, что, мол, не все такие миролюбивые, как Вы, народ в большинстве своем гораздо более трепетно относится к своему

имуществу и подобных обид обычно не прощает. На это я замечу следующее.

Это возражение не отрицает самого института предельной продолжительности исковой давности, но подвергает сомнению лишь размер этой продолжительности. Должны ли десять лет, предусмотренные в п. 2 ст. 196 ГК, распространяться на все случаи или же для каких-то ситуаций целесообразно записать двадцать, тридцать, а то, быть может, и все пятьдесят лет? Вот о чем это возражение. Это вопрос законодательной политики: я лично не вижу никаких препятствий для того, чтобы для каких-то точно указанных в законе единичных, особенных, экстраординарных случаев заменить общее десятилетнее правило исключениями о каком-то ином, более длительном пределе. О сокращении же этого десятилетнего предела я бы вообще разрешил договариваться, по крайней мере коммерсантам в отношениях друг с другом. Что же касается более трепетного отношения к своему имуществу и непощения обид, могу сказать, что не кажутся мне нынешние российские граждане особо мстительными. Но даже если я в них ошибаюсь, то вряд ли право на иск должно служить делу удовлетворения чувства мести.

Сухой остаток: я, безусловно, за п. 2 ст. 196 ГК РФ. Без него исковая давность - не исковая давность, а только повод к причитаниям о том, что о нарушении права многолетней давности потерпевший узнал вот буквально только что. Пункт 2 ст. 196 ГК РФ не позволяет потерпевшим расхолаживаться, охраняет стабильность, определенность и твердость оборота в глазах третьих лиц, служит крепкой уздой для сутяжничества, предотвращая тем самым заведомо неэффективную загрузку судов; он наделяет имущественное право свойством настоящего имущества, о котором его обладатель должен заботиться, которое надлежит охранять, оберегать и своевременно (!) защищать. Словом, институт предельной продолжительности исковой давности - это один из столпов, поддерживающих реальный гражданский мир и правопорядок.